

индивидуальной или коллективной» [2, с. 247]. Для самих зачинателей традиции моления реальная колода становится синтагматическим знаком, включенным в кодифицированную коммуникативную ситуацию, цель которой – разделение чего-то между молящимся адресантом и сакральным адресатом.

При семиотической интерпретации «колодки» как объекта определенного «видения» она включается в мифоритуальную религиозную парадигму и становится «осязаемой идеей» [2, с. 250–251]. Ее значение выясняется через обращение к другим текстам, кодам и нормам в народной культуре. Отсюда возможность рассматривать масленичную «колодку» в разных парадигматических системах одновременно. Свое сакральное значение она обнаруживает в сопоставлении не только с деревянными идолами языческой древности, но и с колодой, сохранившейся в белорусских прозаических нарративах.

Превращение обычной деревянной колоды в обрядовый элемент происходило благодаря ее персональному сцеплению. Контекстная семантизация кардинально изменяла функцию колоды с продуцирующей на изолирующую в том случае, когда объектом воздействия был старый холостяк. Масленичный обычай «рокового» сватовства требовал от девушки и ее родителей соглашаться на любое предложение, даже если оно исходило от перестарка или другого нежеланного жениха: «Бо, як прыйдзе ў сваты ў дзень Масленіцы, то хочаш-не хочаш, а замуж за яго ідзі, бо так было ў старыну». Чтобы нейтрализовать опасного жениха, девушки прибегали к помощи колоды: «бо ўжэ як дзе ў сяле буў стары халасты хлопец, то дзеўкі стараліся падперці дзверы яму калодаю, шоб ён на Масленіцу з хагы не вылез, шоб не прыйшоў у сваты» [9, с. 92–93]. Вероятно, колода служила ритуальным знаком для старого холостяка и выполняла роль магической черты, переходить которую он не имел права.

Таким образом, масленичная «колодка» не монофункциональна: она конденсирует в себе множественный мифоритуальный смысл, выходящий за пределы обрядности.

Список литературы:

1. Агапкина, Т. Мифопоэтические основы славянского народного календаря. Весенне-летний цикл / Т. Агапкина. – М. : Индрик, 2002. – 816 с. (Традиционная культура славян. Современные исследования).
2. Барт, Р. Избранные работы : Семиотика. Поэтика / Р. Барт / Пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. Косикова. – М. : Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1994. – 616 с.
3. Беларускі фальклор : энцыкл. : у 2 т. / рэдкал. : Г. Пашкоў [і інш.]. – Мінск : БелЭн, 2006. – Т. 2. – 832 с.
4. Легенды і паданні / склад. М. Грынблат і А. Гурскі; рэд. тома А. Фядосік. – Мінск : Бел. навука, 2005. – 552 с.
5. Лосев, А. Мифология греков и римлян / сост. А. Тахо-Годи; общ. ред. А. Тахо-Годи и И. Маханькова / А. Лосев. – М. : Мысль, 1996. – 975 с.
6. Масленічныя песні : метада. указанні і іл. матэрыял да правядзення фалькл. практыкі студэнтаў I курса філал. фак-та / аўт.-склад. : Р. Кавалёва [і інш.]; пад рэд. Р. Кавалёвай. – Мінск : БДУ, 2008. – 40 с.
7. Моррис, Ч. У. Из области основной семиотики / Чарльз Уильям Моррис / Семиотика: Антология / сост. Ю. Степанов. – М. : Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. – 702 с.
8. Поэзия крестьянских праздников / Вступ. статья, сост., подгот. текста и прим. И. Земцовского – Л. : Советский писатель, 1970. – 636 с.
9. «С любовью к родной земле...» Т. 1. «Пад песні задуманныя Пачэсея...»: Народная духоўная культура Жыткаўшчыны / отв. ред. В. Новак, О. Солопова, А. Кострица, В. Шинкаренко. – М. : Исторический факультет Московского университета, 2017. – 710 с. – (Труды исторического факультета МГУ, вып. 105. Сер. II, Исторические исследования 58).
10. Скварчэўскі, З. Па слядах багоў : нарысы беларускай міфалогіі / Зміцер Скварчэўскі. – Мінск : Медысонт, 2019. – 160 с.
11. Соколова, В. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов XIX – начало XX в. – М. : Наука, 1979. – 287 с.

Ольга Шарая

ТРАДИЦИОННОЕ ВРЕМЯ ПРОВЕДЕНИЯ КАЛЕНДАРНОГО ОБРЯДА «ВОЖДЕНИЯ КУСТА»

Olga Sharaya

TRADITIONAL TIME OF THE CALENDAR RITE OF «VOZHĐENIE KÚSTA»

В статье представлен анализ результатов исследований по вопросу о времени проведения календарного обряда «вождение Куста», показано, что календарный обряд «вождение Куста» в современном ареале его бытования проводился только один раз в году и только на Троицу.

The analysis of research results on the timing of the calendar rite of «vozhdenie Kústa» is presented in the paper. It is shown that the calendar rite of «vozhdenie Kústa» in the modern area of its existence was carried out only once a year and only on Trinity.

Приуроченность к празднику Троицы отмечалась всеми авторами, которые описывали обряд «вождение Куста» на Пинщине в XIX в., начиная с первой публикации об обряде Л. Голембиовского (1831). Когда Д. Фрэзер работал над книгой «Золотая ветвь», в научной литературе приуроченность обряда «вождение Куста» к Троице была общепризнанной. Приуроченность к Троице рассматривалась Д. Фрэзером как важная характеристика этого обряда.

Куст (Куста) («водыты Куста», «ходыты ў Куста», «ходыты ў Куст») – архаический календарный обходный обряд, который исполнялся на второй или первый день Троицы [7, с. 69; 8; 9, с. 127; 11, с. 197; 15, с. 150].

Альтернативный подход к рассматриваемому обряду начал формироваться в конце 70-х годов XX в. В работе «Заметки по славянскому язычеству. 2. Вызывание дождя на Полесье» (1978) Н. и С. Толстые писали: «В большинстве случаев этот обряд приурочен к троице..., но может быть связан с другими датами народного календаря, в частности с Купалой» [6, с. 117]. Однако нет достоверных эмпирических данных о проведении обряда «вождение Куста» на Купалу. Обрядом «Куста» действия на Купалу, описанные М.Федеровским в XIX в. в Лысково, не являлись [8; 10, с. 54–63; 12, с. 283–285; 287; 17, с. 315–316]. Проведённые нами полевые исследования в д. Лысково Пружанского района Брестской области (в прошлом местечко Волковысского уезда) и окрестных сёлах показали, что уже в конце XIX в. некоторые фрагменты

обрядовых действий, описанных М. Федеровским, лишь формально похожие на отдельные элементы кустового обряда, были частью обряда Купалы, имели явно выраженный игровой характер и исполнялись только сельской молодежью.

В 1999 г. в статье «Дождь» словаря «Славянские древности» С. Толстая отмечала, что «Обливание составляет главный элемент специальных обрядов вызывания Д. – ю.-слав. “додолы” и “пеперуды” и в.-слав. “куста”...» [5, с. 108]. Это утверждение ошибочно [8, с. 85–86; 9, с. 143–144; 10, с. 49–58, 63; 16]. В статье «Дождь» словаря «Славянские древности» (1999) обряд “Куста” впервые стал рассматриваться ее автором не как календарный обряд, а как occasionalный обряд вызывания дождя, аналогичный обряду Додола, что не соответствовало действительности, противоречило полученным к концу 90-х годов и последующим результатам полевых исследований в современном ареале бытования обряда «вождение Куста».

В статье «Куст» 3-го тома словаря «Славянские древности» (2004) отмечалось, что «“Куст” – приуроченный к Троице (реже ко дню Ивана Купалы) ритуал обходного типа» [1, с. 68]. Авторы этой статьи, Т. Агапкина и Л. Виноградова, утверждали, что якобы «в действиях с “К.” отмечаются элементы магии вызывания дождя» [1, с. 69]. Это утверждение не соответствует действительности [14]. Статья не содержала никаких эмпирических данных об обряде «вождение Куста», полученных ее авторами. В ней были проигнорированы важные, имевшиеся на тот период, новые научные публикации, основанные на результатах полевых исследований обряда «вождение Куста», в том числе монография [4; 8, с. 85–86; 9, с. 143–144].

В конце XX – начале XXI в. были подведены итоги многолетних полевых исследований, в рамках которых по специально разработанной программе в Западном Полесье (в Беларуси и Украине) изучался обряд «вождение Куста» [7; 8; 9]. В результате этих исследований были впервые определены современные границы ареала обряда «вождение Куста», получен наиболее полный качественный массив данных о структурных компонентах обряда, его терминологии, аксиологии, мотивировках участников обрядовых действий. Было показано, что в рамках ареала обряда его главную фигуру и участников, её сопровождающих, водой не обливали. На основе проведенных полевых исследований обряда «вождение Куста» в Беларуси и Украине был сделан вывод, что в ареале обряда для исполнителей обряда лексема *куст* – это не растение. Для обозначения растения используется лексема *корч*. Употребление слова *куст* (*куста*) характеризуется строгой временной приуроченностью – только на Троицу, в связи с обрядом «вождение Куста». Слово *куст* в современном ареале обряда употреблялось только в связи с обрядом на Троицу» [8, с. 86–87; 9, с. 114–118]. Подчеркнем следующий факт: лингвисты отмечали, что для обозначения растения в Западном Полесье использовалось слово *корч*. Однако этот факт не рассматривали при изучении обряда «Куст». Также не учитывалось, что в языке местного населения отсутствовало слово *куст* необрядовое. Эти данные были нами впервые учтены при анализе названия обряда, его главной фигуры, участников обрядовой группы и т. д.

Однако, начиная с 2003 г., попытку представить эмпирические доказательства occasionalности обряда предпринял минский лингвист Н. Антропов. В опубликованных ранее статьях уже была показана полная несостоятельность эмпирических данных, которые использовал Н. Антропов для доказательства того, что якобы обряд «вождение Куста» включал обливание его участников водой и был связан с магией вызывания дождя [10, с. 49–58, 63; 12; 13; 14].

Следует отметить, что Н. Антропов не использует лично им собранный в полевых условиях материал, он не наблюдал обряд «вождение Куста» в живом бытовании, лично не проводил опросов информантов в населённых пунктах, где сохранился обряд.

Из публикаций Н. Антропова следует, что он признаёт тот факт, что традиционно обряд «вождение Куста» проводился на Троицу. В статье «Белорусские этнолингвистические этюды: 3. “Куст” (часть первая)» (далее – «Этюды») (2013) лингвист отмечал в отношении приуроченности обряда, что это – «Троица (наиболее частотная и фактически единственная в основном ареале)» [2, с. 166]. В то же время в «Этюдах» (2013) в подразделе «Приуроченность», который является очень коротким (всего полтора десятка строк), автор предпринял попытку показать, что обряд «вождение Куста» мог в единичных случаях проводиться в другие дни, то есть не на Троицу. Характерны авторские комментарии к используемым им же эмпирическим данным: «предположительно», «вероятно», «единичное свидетельство», «единичное свидетельство, возможно, не относящееся к собственно *Кусту*» [2, с. 166–167]. Однако крайне скудные, противоречивые, явно недостаточные сведения автор пытался рассматривать как достоверную информацию. Лингвист отмечал: «Аказіянальную прымеркаванасць *Куста* да засухі варта разгледзець больш падрабязна, гл. тэксты: а) “Украшали девушку и парня зелёными ветками и поливали их водой, если засуха была не слишком сильной и было чем поливать” ([Архіў БФЭЛА]; у ліпені 1987 г. у в. Аброва запісаў В. Казначэў ад А. Люшкевіч, 1922 г., мясцовай); б) “Во врэмя засухі украшаюць на Трыіцу дівку... Гэта было днём – куста водаць” ([Шмат 2005, с. 333] у в. Вяз)» [3, с. 106–107].

Следует отметить, что рассматриваемый Н. Антроповым ответ информантки из Оброво, местной, представлен не на полесском говоре, а на русском языке [2, с. 167; 3, с. 106]. Полученные нами данные от информантов в результате полевого исследования в д. Оброво Ивацевичского района показали, что обряда «вождение Куста» в этом населённом пункте не было. Полевое исследование в Оброво проводилось нами дважды: в 1989 и 2011 гг. Таким образом, данные, используемые Н. Антроповым относительно д. Оброво, не являются достоверными, это – фикция, что уже отмечалось нами в других работах [10, с. 50; 14, с. 345].

В подразделе «Приуроченность» и выводах «Этюд» (2013) лингвист ссылается на данные из села Вяз Пинского района Брестской области, опубликованные в диалектологическом сборнике (2005): «4. Засуха. Во врэмя засухі украшаюць на Трыіцу дівку: вэнца робляць і надэвае на гóлову. І воні спываюць, пуд кажду хату. Гэта было днём – куста водаць» [2, с. 170; 16, с. 333]. В приведенном фрагменте неправильно поставлено ударение в слове «куста». В селе Вяз Пинского района, как и во всем современном ареале обряда, ударение в данном слове всегда на первый слог (*Куста*) [9, с. 129]. Из рассматриваемого лингвистом текста следует, что для проведения обряда якобы было необходимо сочетание двух условий – праздника Троицы и обязательно засухи в этот день. Календарная приуроченность обряда к Троице в с. Вяз Пинского района не вызывает сомнения, это подтверждается результатами проведенных нами полевых исследований. При этом информанты категорически отрицали связь обряда «вождение Куста» с засухой, с вызыванием дождя (подробно об этом: [10, с. 49–50; 14, с. 346]). Календарный обряд «вождение Куста» в селе Вяз всегда проводился на Троицу, независимо от того, была в это время засуха или нет.

Отдельно Н. Антропов отмечает якобы имеющую место occasionalность обряда «вождение Куста» в селе Святая Воля Ивацевичского района [2, с. 167]. В выводах статьи «Этюды» (2013) он отмечает приуроченность обряда в Святой Воле Ивацевичского района к периоду цветения сирени [2, с. 169]. Проведенное нами полевое исследование в Святой Воле

Ивацевичского района показало, что обряд «вождение Куста» в этом населённом пункте проводился всегда только на Троицу, а не в зависимости от периода «цветения сирени». Опрошенные информанты однозначно утверждали: «Трэйца. На пёрвы дзнь Куста робілі. Радзілі бабу. Ходзілі бабы і спывалі»; «Оно на Трэйцу» и т. д.

Как свидетельствуют результаты полевого исследования, проведенного нами в Велуте Лунинецкого района Брестской области, в данном населенном пункте «Куста водзілі» на второй день Троицы. Информанты отрицают, что «вождение Куста» было, как утверждает Н. Антропов, на третий день Троицы [2, с. 166]. Опрошенные нами в селе Жабчицы Пинского района Брестской области информанты, которые являлись исполнителями обряда Куста, отмечали, что обряд проводился «на пёршы дзнь Трэйцы» [10, с. 53]. Н. Антропов же использовал не соответствующие действительности данные о якобы приуроченности обряда в селе Жабчицы к другой дате: «Юрий весенний, т.е. день св. Георгия 23 апреля / 6 мая» [2, с. 167].

Как показало исследование, приведенные Н. Антроповым так называемые «единичные свидетельства» о проведении обряда «вождение Куста» не на Троицу являются фикциями. В этом же ряду стоит «единичное свидетельство» из с. Николаево Каменецкого района Брестской области. В подразделе «Приуроченность» лингвист отмечал: «Четверг Светлой недели (Навский; единичное свидетельство, возможно, не относящееся к собственно Кусту, зафиксированное в Николаево Камен.)» [2, с. 167]. Согласно полученным нами в результате интервью данным, информанты в селе Николаево категорически отрицают наличие в их населённом пункте традиции «вождения Куста»: «Не, у нас такого нэ було»; «Нэ було такога»; «Не, не» [10, с. 51–53; 12, с. 286; 13, с. 409; 14, с. 345–346]. Следует также отметить, что жители села Николаево четверг после Пасхи называют «Бабскы Вэлкдзень»: «После Пасы у чэтвэр, это кажут Бабскы Вэлкдзень», т.е. в этом населённом пункте не называли четверг после Пасхи «Навский», как это бесосновательно утверждает в «Этюдах» (2013) Н. Антропов [2, с. 167].

В сознании исполнителей обряда «вождение Куста» при употреблении слова «куст» (*куста*) отражены абсолютизация времени и строгая временная приуроченность: «слово куста од віку гаворать, кўлькы я знаю куста – гэто оно на Трўйцу» (Жабчицы Пинского района) [8, с. 87; 9, с. 118]; «Оно на Трўйцу. Куста толькы на Трўйцу. Бульш нэколы ёго нэ водылы» (Вяз Пинского района); «Куст – гато на Трўйцы, а так – корчы, корч ягід» (Паре Пинского района).

Лексема *куст* в ареале распространения обряда «вождение Куста» использовалась в прошлом местными жителями, исполнителями обряда, только в связи с проведением обряда «вождение Куста» и только один раз в году – на Троицу.

Список литературы:

1. Агапкина, Т. Куст / Т. Агапкина, Л. Виноградова // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5 т. / под ред. Н. Толстого. – М. : Международные отношения, 2004. – Т. 3 : К–П. – С. 68–69.
2. Антропов, Н. Белорусские этнолингвистические этюды: 3. «Куст» (часть первая) / Н. Антропов // Ethnolinguistica Slavica. К 90-летию академика Никиты Ильича Толстого. – М., 2013. – С. 162–179.
3. Антропаў, М. Этнолінгвістычны кантынум заходнепалеска-беларускага абрадавага *Куста* / М. Антропаў // Беларускі фальклор: Матэрыялы і даследаванні. Зборнік навуковых прац. – Мінск : Беларуская навука, 2015. – Выпуск 2. – С. 100–150.
4. Китова, С. «Вождение Куста» в Вольинском Полесье / С. Китова // Полесье и этногенез славян. Предварительные материалы и тезисы конф. – М. : Наука, 1983. – С. 106–107.
5. Толстая, С. Дождь / С. Толстая // Славянские древности. Этнолингвистический словарь в 5 т. Т. 2: Д–К, под общ. ред. Н. Толстого. – М. : Международные отношения, 1999. – С. 106–111.
6. Толстой, Н. Заметки по славянскому язычеству. 2. Вызывание дождя в Полесье / Н. Толстой, С. Толстая // Славянский и балканский фольклор. – М. : Наука, 1978. – С. 95–130.
7. Шарая, В. Семантика абраду «ваджэне Куста» / В. Шарая // Весці АН Беларусі. – Сер. гуманіт. навук. – 1996. – № 4. – С. 69–76.
8. Шарая, В. Функциональная природа абраду Куст / В. Шарая // Весці НАН Беларусі. – Сер. гуманіт. навук. – 1999. – № 3. – С. 84–88.
9. Шарая, О. Ценностно-нормативная природа почитания предков / О. Шарая. – Минск : Тэхналогія, 2002. – 249 с.
10. Шарая, О. Западнополесский обряд «вождение Куста» как социокультурный феномен и проблемы его изучения / О. Шарая // Беларускі фальклор: Матэрыялы і даследаванні. Зборнік навуковых прац. – Мінск : Беларуская навука, 2015. – Вып. 2. – С. 32–67.
11. Шарая, В. Абрад «ваджэне Куста» функцыянальная прырода, аксіялогія, трансфармацыя / В. Шарая // Нарысы гісторыі культуры Беларусі: у 4 т. / навук. рэд. А. Лакотка. – Мінск, 2016. – Т. 3. Культура сяла XIV–пачатку XX ст. – Кн. 2. Духовная культура. – С. 196–227.
12. Шарая, О. Проблемы картографирования обряда «вождения Куста» и определение его западной границы / О. Шарая // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі / НАН Беларусі, Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры; навук. рэд. А. Лакотка. – Мінск : Права і эканоміка, 2016. – Вып. 21. – С. 282–288.
13. Шарая, О. Проблемы методологии и достоверности данных при картографировании так называемых «кустовых фиксаций» / О. Шарая // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі / НАН Беларусі, Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі; навук. рэд. А. Лакотка. – Мінск : Права і эканоміка, 2017. – Вып. 22. – С. 407–413.
14. Шарая, О. «Куст (Куста) водой не обливали» (к вопросу о семантике западнополесского обряда «вождения Куста») / О. Шарая // Пытанні мастацтвазнаўства, этналогіі і фалькларыстыкі / Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі; навук. рэд. А. Лакотка. – Мінск : Права і эканоміка, 2019. – Вып. 26. – С. 342–348.
15. Шарая, О. Западнополесский календарный обряд в контексте социокультурных перемен (на примере обряда «вождения Куста») / О. Шарая // Белорусское Полесье как историко-культурный феномен : материалы Международного научного семинара (Пинск, 29.05.2019) / сост. : Л. Авгуль, Д. Бакун. – Минск : Центральная научная библиотека НАН Беларуси; М. : ФГБУ науки; Научный и издательский центр «Наука» РАН, 2019. – С. 150–156.
16. Шмат, Д. Тэксты з вёскі Вяз Пінскага раёна / Д. Шмат // Скарбы народнай мовы : дыялекталог. зб. / НАН Беларусі, Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа / рэд. Л. Кунцэвіч. – Мінск : Права і эканоміка, 2005. – С. 332–334.
17. Federowski, M. Lud Białoruski na Rusi Litewskiej / Materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905 / M. Federowski – Kraków : Wyd-wo KAAU, 1897. – Т. 1. Wiara, wierzenia i przesady ludu z okolic Wolkowyska, Słonima, Lidy i Sokółki. – 509 s.